

УДК 81'23 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-44-2-40-49

**ПИСЬМЕННЫЕ ВЕРБАЛЬНЫЕ КЛИШЕ В СОСТАВЕ
КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ: ЭКСПЕРИМЕНТ ПО
ИДЕНТИФИКАЦИИ ЕДИНИЦ И ПОНИМАНИЮ СМЫСЛА**

Вдовиченко Андрей Викторович

доктор филологических наук,

Сектор теоретического языкознания

Ведущий научный сотрудник ИЯз РАН

Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1,

профессор ПСТГУ

anlvdo@mail.ru

В статье приводится описание эксперимента («Восстановление привычного облика текста»). На основании полученных данных рассматривается графический режим функционирования вербальных клише («слов») и аспекты коммуникативного смыслообразования, производимого при участии записанных вербальных данных. Автор приходит к выводам о том, что 1) графические знаки вербальных данных (*более или менее* конвенциональные) представляют собой условные (не точные и не строгие) «намекы» на фонетические комплексы, которые присутствуют в памяти «носителя языка» в виде когнитивно-фонетических единств (клише); 2) намекы (графические знаки) достигают своей цели, если в результате становится понятным когнитивное состояние автора намекы (того, кто производит семиотический поступок с вовлечением данного графического комплекса); 3) фонетическое клише, воссоздаваемое по графическому следу, является частью коммуникативного действия, которое порождается (и затем воссоздается) по комплексу параметров, среди которых само клише является одной из характеристик когнитивного состояния автора коммуникативного действия; 4) условно назначаемое значение отдельного (произвольно выделенного) вербального клише возникает вследствие понимания когнитивного состояния коммуниканта, воспользовавшегося им в актуальной ситуации семиотического воздействия; 5) вербальная форма и коммуникативное действие соотносятся как часть и целое: вербальная форма не является автономным объектом порождения (понимания) смысла, не может быть тождественно интерпретирована.

Ключевые слова: естественный вербальный процесс, эксперимент, вербальные клише, графический режим, коммуникативная модель, смыслообразование, семиотический поступок, знак, когнитивное состояние

Введение

Статья подготовлена на основе результатов небольшого пилотного эксперимента, который был проведен автором 18.10.2018 г. среди участников исследовательской группы (8 человек, научные сотрудники и аспиранты ИЯз РАН, из них мужчин четверо, женщин четверо, возраст испытуемых в диапазоне от 25 до 84 лет), работающей по проекту РФФИ «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели».

Цель организованного взаимодействия между экспериментатором и испытуемыми состояла в том, чтобы в итоге получить основания для выводов о *графическом режи-*

ме функционирования вербальных клише («слов») и затем зафиксировать значимые, с нашей точки зрения, аспекты коммуникативного смыслообразования, производимого при участии вербальных данных.

Организованное между коллегами взаимодействие по замыслу автора создает такие условия для семиотической деятельности, которые в совокупности позволяют акцентировать *естественные свойства* вербальных данных в естественных коммуникативных практиках.

Испытуемым был представлен текст анекдота с просьбой записать его в привычной для них манере, то есть по известным им и принятым в настоящий момент в русскоязычном культурном пространстве *Правилам русской орфографии и пунктуации* 1956-го года:

Anigdot

– Слушaj Вась ты zaftra smozhich nasarivnavanijah offisnyh работnikaf rabizhatь atnashej kamанды?

– Dumaju da.

– Tagda vybiraј: sprinteram nakarotkuju distantsiju ili stajeram nadlinnuju?

– Davaj sprinteram. A tajer эта што?

Испытуемые справились с поставленной перед ними задачей. Заметная вариативность интерпретаций высказывания (и, соответственно, различий в его записи) обнаружилась только в отношении последней реплики ([– Davaj sprinteram. A tajer эта што?]).

Чтобы объяснить *единообразие* записи большинства слов (фонетических клише) анекдота и, наоборот, *вариативность* в записи последней реплики, необходимо привести наблюдения и представить объяснения, которые и составляют цель проводимого эксперимента.

1. Прежде всего, нужно констатировать (см. тж. [Вдовиченко, Тарасов 2017], [Вдовиченко 2016] и др.), что понимать или не понимать, считать смешным или серьезным, истинным или ложным, ироничным или саркастическим и пр. можно не само словесное высказывание, а только личное когнитивное состояние, которое устанавливается (воссоздается) интерпретатором в интерпретируемом семиотическом действии. Только оно является единственным источником какого-то смысла. Так, в приведенном анекдоте смешным является «когнитивное состояние Васи» (см. ниже), изображая которое рассказчик анекдота достигает комического эффекта (соответствующего воздействия на слушателя/читателя).

Чтобы «пробиться» к какому-то эффекту (смыслу анекдота) через искусственно созданные в эксперименте препятствия («неконвенциональный способ записи текста»), испытуемым нужно было, прежде всего, преодолеть недоверие к такому способу записи вербальных клише.

Здесь стоит заметить, что нет никаких причин приписывать особый онтологический статус ныне принятым Правилам русской орфографии (1956 г.). Достаточно иметь в виду, что в устном обыденном режиме пользования вербальными клише у любого аутентичного коммуниканта *полностью отсутствует* представление о графическом облике того, что он произносит. Кроме того, актуальные коммуниканты в различных

режимах письменной коммуникации ведут себя вариативно, в зависимости от собственных целей, обстоятельств, принятых условностей, данного момента коммуникации и т.д. (ср., например, непринужденное Интернет-общение, лишенное строгих орфографических правил, а также примеры [см. Вдовиченко 2016]; или на более радикальный и оттого более показательный случай перехода с кириллицы на латиницу в современном Казахстане (2017-2025), или фонетическое белорусское письмо, в котором общерусские лексемы имеют несколько непривычный для пишущих по-русски, но столь же нормативный вид «Масква», «тэкст», «голос», и пр.).

Независимость от Правил русской орфографии 1956 г. продемонстрировали и сами испытуемые. Оказалось, что им фактически все понятно и без них: например, чтобы распознать «странную запись» и затем воссоздать традиционную графическую форму [slúʂaj] (международная транскрипция), им было достаточно как нормативного графического комплекса «слушай», так и видоизмененного представленного в «Анигдоте» «слушaj».

При этом для целей эксперимента исключительную важность представлял вопрос, *откуда* у испытуемых возникало понимание того, *что* изображено графически. Иными словами, почему [слушaj] было всеми безошибочно «транспонировано» в [слушай], а не, скажем, в [случай], или [слухай] или [цлишай], или [слухадж]? Или, например, почему неконвенциональное [smozhich] было безошибочно записано как [сможешь], а не как [смозхич] или [сможихс]? И т.д.

В соответствии с условиями эксперимента, нельзя ответить на этот вопрос таким образом, что испытуемые механически подставляли буквы и получали «правильные» слова: в предложенной игре без четких правил строгие корреляции между графемами Анекдота и русскими буквами отсутствовали. Так, невозможно, указать, какой русской букве соответствует «анекдотная» буква [c], [a], [i], [g], [p], [f] и пр.

По этой причине нельзя признать достоверной и такую картину: испытуемые, записав слова и пользуясь полученным графическим обликом слов, узнавали написанные слова и потом записывали их «правильно». Поскольку четких корреляций между «анекдотной» и «правильной» орфографиями установить невозможно и никто до этого не приводил эти корреляции в виде списка, то и получить какое-то определенное слово путем механической подстановки (чтобы сразу «узнать» то, что получилось) было нельзя: ср. на месте [слушaj] возможны варианты [слухай], или [цлишай], или [слухадж]. Испытуемые не занимались подбором вариантов, а сразу изображали правильный.

Нельзя, наконец, сослаться и на какой-то уже озвученный вариант текста как на причину узнавания и затем «правильного» изображения слов, поскольку, до появления «анекдотного» текста в графическом представлении перед каждым испытуемым, никто этот текст («слова текста») для испытуемых не озвучивал.

Единственным непротиворечивым ответом на вопрос, как и вследствие чего испытуемые воспроизводили «правильные» записи, представляется следующий: в сознании аутентичного коммуниканта, владеющего «родным языком» (то есть в сознании каждого испытуемого), присутствуют уже готовые фонетические клише, которые вызываются из памяти посредством условных графических стимулов.

Эти первоосновные фонетические клишированные элементы говорения могут изображаться любыми способами, в том числе по Правилам русской орфографии 1956 г. или каким-то иным условным способом.

При условии присутствия в сознании фонетических клише роль любого графического образа слова состоит лишь в том, чтобы сделать намек на этот существующий заранее (с детства, из опыта обучения, из только что воспринятой ситуации, из микро- и макро-контекста и конситуации, и пр.) когнитивно-фонетический элемент коммуникативного действия. Если графический намек попадает в уже имеющийся в сознании адресата «список», то индивидуальное сознание «выдает» соответствующее клише: так, среди того, что было в сознании испытуемых заранее, намек мог быть сделан на [слушай], а не на отсутствующие в сознании испытуемых [слушай], или [цлишай], или [слушадж]. Поэтому сознание испытуемых выдало вариант [слушай], хотя он и не следовал прямо из графического представления.

Естественно, что графический намек на клише (если он вообще кому-то понадобился – ведь часто коммуникант вообще ничего не пишет, а «просто говорит без каких-либо букв») может быть сделан любым графическим способом, лишь бы семиотическая акциональная цель коммуниканта, осознаваемая в наличествующих условиях и конвенциях, была достигнута: так, сам экспериментатор, давая текст «Анигдота», для делания намеков на фонетические клише воспользовался только латиницей и кириллицей, поскольку знал, что греческий алфавит или квадратное еврейское письмо не исполняют своей миссии «намекания» для данной аудитории испытуемых (хотя для другой аудитории намекание посредством греческих или еврейских графем, доступных экспериментатору, могло бы быть эффективным).

Заметим, что не только в нашем эксперименте, но и при традиционном привычном способе письма (Правила орфографии 1956 г.) *строгие корреляции между фонетическими элементами слова и его графическим обликом отсутствуют* (так, попытки соблюдать корреляции между звуками и буквами при написании предыдущей фразы дали бы следующий результат: [строгии карил'ации м'эжду фанытичскими илим'ентами слова и йиво графическим обликам тагжэ атсуцтвуйут]). Иными словами, те, кто читают «обычные правильные тексты» (по нормам русской орфографии 1956 г.), занимаются той же «работой» по сопряжению условного графического знака и уже известного (не строго коррелирующего со знаком) фонетического клише, что и те, кто расшифровывал «неконвенциональную запись» анекдота.

2. На фоне основного массива текста анекдота, который испытуемые воссоздали в привычной графической форме единообразно и без заметных усилий, среди распознанных реплик зафиксирована одна, которая спровоцировала у испытуемых неточные и/или ошибочные восстановления. Речь идет о двух предложениях, произнесенных Васей в финале диалога («Давай [спринтером]. А тайер – это что?»), которые были записаны испытуемыми следующим образом:

1. Давай спринтером. А тайер это что?
2. Давай спринтером. А стайер это что?
3. Давай спринтером. А (с)тайер это что?

В структуре анекдота эти высказывания, составляющие последнюю реплику Васи, занимают особое положение, поскольку именно они делают данный текст анекдотом, маркируя собой точку комического эффекта (всегда локализованную в конце приводимой последовательности коммуникативных действий рассказчика анекдота).

Комический эффект, как уже было сказано, провоцируется неожиданным осознанием когнитивного состояния Васи, понимание которого у слушателя (читателя) анек-

дота возникает благодаря двум коммуникативным действиям, соответствующим двум последним предложениям. Анекдот становится анекдотом тогда, когда выясняется (в двух последних фразах), что Вася «на соревновании офисных работников» собирается бежать на короткую дистанцию «с принтером» (сдавленным крепкой рукой офисного работника и прижатым, вероятно, к подмышке – так удобнее бежать).

Если рассматривать последнюю фразу анекдота («А тайер – это что?») вне когнитивного состояния Васи, то есть пытаться интерпретировать ее автономно, саму по себе, вне коммуникативного контекста, – нужно признать, что она не может быть понятной – смешной, ироничной, угрожающей, умной, точной и т.д. Зато в естественных условиях коммуникации, то есть в акциональном смыслообразующем режиме (в составе коммуникативного действия), произведенные с участием данных слов семиотические поступки («Давай [спринтером]. А тайер это что?») провоцируют комический эффект, заставляют смеяться, поскольку *обнаруживают то, что, в отличие от слов, может быть понято и оценено* – личное (в данном случае Васино) когнитивное состояние, обнаруженное в (семиотическом) действии. Иначе говоря, смысл происходящего (что часто ошибочно называют «сказанным») возникает из понимания коммуниканта (Васи), а не из понимания слов: так, «несуществующее слово» [тайер] не может быть понято в автономном режиме, но именно оно «понимается» и создает комический эффект, когда интерпретируется в составе семиотического действия, производимого Васей.

Чтобы неожиданно осознать «строй мыслей» Васи (и рассмеяться, признав нелепость этого «строя»), интерпретатор анекдота, в том числе, испытуемые, должны были пройти несколько условных стадий: 1) осознать диспозицию говорящих на момент произнесения Васей двух последних предложений, то есть понять содержание просьбы одного «офисного работника» другому, с объяснением выбора, который должен сделать Вася («спринтером или стайером?»); 2) понять ответ Васи, означающий согласие на одну из представленных возможностей («Давай [спринтером]»); и, наконец, 3) с удивлением обнаружить то, на *что* в действительности соглашается Вася и *как* понимает свое участие в предстоящих соревнованиях: все это становится понятным из задаваемого им вопроса («А тайер – это что?»), который выдает в нем человека, не знающего слов «спринтер» и «стайер» (несмотря на спортивные наклонности) и собирающегося бежать короткую дистанцию «с принтером» в руках (что и становится смешным).

Именно в этом месте анекдота наблюдается вариативность и неточность воссозданного испытуемыми «правильного» текста (варианты см. выше).

Причину этого можно, по-видимому, обнаружить в том, что в данный момент коммуникативного взаимодействия («Вася ↔ его коллега», «рассказчик анекдота ↔ слушатель/читатель») ситуация, интерпретируемая испытуемыми, ощутимо усложняется. Но ее параметры, доступные испытуемым по искаженному тексту, не обеспечивают полноты, достаточной для успешного понимания, а, наоборот, вводят в заблуждение.

Дело в том, что данный анекдот, чтобы стать забавной историей, должен существовать в *устном* (а не письменном) режиме, в котором «с принтером» и «спринтером» звучат совершенно единообразно.

В устном режиме рассказчик анекдота, передавая Васиные слова, до финального «момента смеха», то есть вплоть до самого последнего предложения, *имеет возможность сохранять интригу* – не выдавать когнитивного состояния Васи, который со-

глашается бежать [sprɪntɐɾɫm], как будто сделал выбор в пользу одного из предложенных ему ранее вариантов [«sprɪntɐɾam ili stajɐɾam»]. В устном режиме комический эффект строится на том, что фокус сознания адресата (слушателя анекдота) принуждается неожиданно вернуться к только что сказанному Васей слову [sprɪntɐɾɫm] и переосмыслить действие Васи: тот, оказывается, имел в виду совершенно другое, – не «спринтером», а «с принтером».

Наоборот, в письменном режиме такая резкая смена понимания (движение назад и вспять) становится невозможной. Уже в предпоследнем предложении «записыватель» анекдота вынужден раскрыть все карты, обнаружить Васину мысль – изобразить фонетический комплекс [sprɪntɐɾɫm] как «с принтером». Или записать вовсе не то, что Вася на самом деле имеет в виду («спринтером», – и тогда становится полностью непонятной последняя фраза, и вообще смысл действий рассказчика анекдота).

Иными словами, данный анекдот нельзя правильно (смешно и с соблюдением интриги) записать по *Правилам русской орфографии* 1956 г. Графическая форма и соответствующие орфографические правила с неизбежностью либо заставляют испытуемого *нарушать саму последовательность* коммуникативных действий, которая необходима для комического эффекта («Давай с принтером. А тайер – это что?»): в первом графически представленном предложении *уже обнаруживается мысль* Васи, а для комического эффекта нужно, чтобы она обнаруживалась только во втором предложении; либо *заставляют испытуемого изобразить* на письме *то, что Вася*, по замыслу рассказчика анекдота, *вообще не имел в виду, поскольку не знал слова «спринтер»* («Давай спринтером»).

Заметим, что этот анекдот, скорее, следовало бы записать с использованием знаков фонетической транскрипции, которые, впрочем, не регламентируются и не предполагаются Правилами 1956 г.: «Давай [sprɪntɐɾɫm]. А тайер – это что?».

Поскольку испытуемые исполняли условия задания, они вынуждены были идти на поводу у письменных правил, поддаваясь их неспособности передать в полноте устный (смешной и сохраняющий интригу) режим рассказывания данного анекдота. Письменный режим заранее помещал их в определенное русло, выбраться из которого можно было только путем нарушения правил русской орфографии («Давай [sprɪntɐɾɫm]»). Но это не входило в условия эксперимента, и анекдот, таким образом, получил упрощенную трактовку, или даже вовсе перестал быть анекдотом: Вася, в записях испытуемых, собирается бежать дистанцию в качестве «спринтера» (все испытуемые не усомнились в слитном написании «с» и «принтера»), сделав из Васи человека, согласившегося на один из предложенных ему вариантов – бежать «спринтером» или «стайером»), который, в крайнем случае, просто не знает, что такое «стайер».

Как видно, размышления испытуемых при записи анекдота представляют собой сложную многофакторную процедуру. Дело не обстоит так, что графический намек (например, [sprɪntɐɾam]) автоматизировано извлекает из сознания «носителя» какое-то правильное известное ему клише (которое он потом может записать в иной кодировке, в том числе по *Правилам орфографии* 1956 г.).

Так, нельзя рассчитывать, что правильное клише явится из сознания коммуниканта в результате, скажем, такого автономного графического знака-намёка: [с.]. Этот «знак» может быть едва ли не чем угодно в автономном режиме: например, [с.] может быть сокращением в словаре, где в словарных статьях экономят место, и поэтому на месте «эс с точкой» может воссоздаваться актуальная для данной статьи вокабула на

«с» – [смайлик], [словарь], [суржик], [сом], да еще и в определенном «падеже», и пр.; чтобы понять, на что именно намекает [с.] (то есть *что* воссоздавать в тексте, где присутствует такой знак), необходимо, как и во всех остальных случаях графических намеков, воссоздать комплексное (всегда многофакторное и многоканальное) коммуникативное действие (в данном случае – оказаться фокусом своего внимания вместе с автором в данной статье словаря) и понять его, автора, намерения в данном конкретном случае. Иначе говоря, нужно мыслить объемную ситуацию семиотического воздействия, чтобы понимать расставленные в ней фишки-намеки (как для [с.], так и для [«sprinteram»]).

Иными словами, сам вопрос, на *что* намекает графический комплекс [sprinteram], не имеет перспективы ответа без рассмотрения совершаемого коммуникативного действия и, соответственно, личного когнитивного состояния – единственной твердой опоры при добывании «смысла слова». Так, герой анекдота Вася записал бы «фонетический намек» [sprɪntɛrɒlm] как [«с принтером»]. Испытуемые, напротив, изобразили «графический намек» [sprinteram] иначе – [спринтером], воссоздавая иное коммуникативное действие, несмотря на единую для Васи и для испытуемых фонетическую форму.

Процедуру воссоздания коммуникативного поступка (а не механистичную запись слов) испытуемые демонстрировали и в других случаях.

Так, большинство (четверо из семерых) испытуемых, транспонируя последнюю фразу ([А тайер эта што?]), *решили игнорировать строгость предметного знака* и изменить (восполнить) состав фонетического комплекса для получения какого-то воссоздаваемого ими (понятого им) семиотического воздействия: [тайер] был передан как [стайер], несмотря на отсутствие указателя на звук [с] в неконвенциональном тексте ([тайер]).

Причины появления такого варианта («стайер») – не вызванного ничем, кроме *поисков испытуемыми коммуникативного смысла*, даже вопреки имеющемуся набору намекающих неконвенциональных знаков – могли быть разные, включая истолкование этого места как опечатку, или как подвох со стороны экспериментатора. Когда аутентичная семиотическая ситуация (или коммуникативное действие рассказчика анекдота) оказалась не установленной, со стороны испытуемых потребовалось доведение ситуации до *какого-то* представимого коммуникативного смысла.

Однако только при невосполненном первоначальном варианте ([тайер]) создается искомый рассказчиком анекдота комический эффект: именно после Васиного вопроса про «тайер» становится ясным его «умонастроение», которое прежде он ничем не выдавал, всерьез собираясь бежать за команду с принтером под мышкой. Когнитивное состояние Васи, распознаваемое по совершенному коммуникативному действию, уже можно оценивать и, скажем, смеяться над его нелепостью (когда оно стало ясным). Именно к этому стремился рассказчик анекдота (автор), деятельность которого нужно было воссоздать испытуемым с использованием графических «намеков»: в их задачу входило записать анекдот.

Как видно из анекдота, даже «знак» [тайер], отсутствующий в словаре, приобретает в коммуникации смысл, если параметры семиотического действия воссоздаются правильно и не вводятся такие, которые не аутентичны для данного действия. Приобретение смысла фонетическим комплексом [тайер] происходит только в составе аутентичной коммуникативной синтагмы, которая понимается (может быть понята)

участником или наблюдателем. В противном случае (вне коммуникативной синтагмы) данные «языка» или «словарей» не дают для [тайер] никакого «значения». Однако заданный именно о «тайер»'е вопрос обнаруживает смешное когнитивное состояние Васи, «работая» – несмотря на отсутствие в словаре – в естественной коммуникации. Заметим, что то же самое происходит с любыми – существующими и несуществующими в словаре – единицами, если они становятся элементами актуального коммуникативного действия.

Несмотря на это, вместо аутентичной семиотической ситуации, четверо испытуемых воссоздали немотивированную «испорченной записью» форму [стайер] – реконструируя, таким образом, упрощенный коммуникативный смысл происходящего (о возможных причинах см. выше).

Такое же восполнение присутствует у четырех испытуемых и в случае [rabizhatʲ] (неправильно воссозданный вариант – [пробежать]), но там даже при неправильном восстановлении графической формы аутентичное коммуникативное действие полностью сохраняется.

Те испытуемые, которые выдали вариант «Давай спринтером. А тайер это что?», признались, что не поняли смысл анекдота (коммуникативных действий рассказчика и персонажей), и действовали механистично, воссоздавая известные фонетические клише (кроме «тайер»), но не целостный (анекдотичный) смысл происходящего. В одном из этих случаев стало доподлинно ясно, что фонетическое клише «стайер» было неизвестно испытуемому, и в этом была причина непонимания семиотических поступков Васи и рассказчика.

Выводы

1. Графические знаки вербальных данных (более или менее распространенные, напр., [слушай] или [clyshaj]) представляют собой условные намеки на фонетические комплексы, которые присутствуют в памяти «носителя языка» в виде когнитивно-фонетических единств (клише).

2. Намеки (графические знаки) достигают своей цели, если становится понятным когнитивное состояние автора намека (того, кто пишет данный графический комплекс), что совпадает с целью автора записанного текста (ср. восстановление [sprinteram] испытуемыми).

3. Фонетическое клише, воссоздаваемое по графическому следу, является частью коммуникативного действия, которое порождается (и затем воссоздается) по комплексу параметров, среди которых само клише является одной из характеристик когнитивного состояния автора коммуникативного действия (ср. восстановление [sprinteram] испытуемыми).

4. Условное значение отдельного (произвольно выделенного) вербального клише возникает вследствие понимания когнитивного состояния коммуниканта, воспользовавшегося им в актуальной ситуации семиотического воздействия (ср. восстановление [sprinteram] испытуемыми).

5. Вербальная форма и коммуникативное действие соотносятся как часть и целое: вербальная форма не является автономным объектом порождения (понимания) смысла, не может быть интерпретирована (ср. восстановление [sprinteram] испытуемыми).

Приложение (исходный текст, данный испытуемым в эксперименте в измененном виде):

Анекдот

- Слушай, Вася, ты завтра сможешь на соревнованиях офисных работников победить от нашей команды?
- Думаю, да.
- Тогда выбирай: спринтером на короткую дистанцию, или стайером на длинную?
- Давай [спринтером]. А тайер – это что?

Литература

Вдовиченко А. В. О несамостоятельности языкового знака. Причины и следствия «лингвистического имяславия» // Вопросы философии. 2016. №6. С. 164–175.

Вдовиченко А. В., Тарасов Е. Ф. Вербальные данные в составе коммуникативного действия: язык, текст, автор, интерпретатор // Вопросы психолингвистики. 2017. Вып. 4 (34). С. 22–39.

Вдовиченко А. В. Вербальный процесс в зеркале чтения и письма // Вестник ПСТГУ. Серия III: «Филология». 2017. № 3 (52). С. 62–75.

Вдовиченко А. В. (1) Акциональное смыслообразование: что порождается и понимается в естественном коммуникативном процессе // Вопросы психолингвистики. 2018. Вып. 3 (37). С. 112–125.

Вдовиченко А. В. (2) С возвращением, автор, но где же твой текст и язык? О вербальных данных в статике и динамике. Часть I // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 156–167; Часть II // Вопросы философии. № 7. С. 57–69.

**WRITTEN VERBAL CLICHÉS AS POSED IN COMMUNICATIVE ACTION:
EXPERIMENT ON IDENTIFYING UNITS AND UNDERSTANDING SENSE
(MEANING)**

Andrey V. Vdovichenko

Doctor of Philology, Leading Researcher

Department of Theoretical Linguistics

Institute of Linguistics

Russian Academy of Sciences

1, building 1 Bol'shoy Kislovsky per., Moscow, 125009 Russia

Professor at Department of Philology

Orthodox St Tikhon University for Humanities

anlvdo@mail.ru

The article provides a description of the experiment (“Restoring the ordinary appearance of the text”). Based on the obtained data, the graphical mode of functioning of verbal clichés (“words”) and aspects of communicative sense-making, produced with the participation of written verbal data, are considered. The author comes to the conclusion that 1) graphic signs of verbal data (more or less common) are conditional (not accurate and not strict) hints of

phonetic complexes that are present in the memory of the “speaker” in the form of cognitive-phonetic unity (cliché); 2) hints (graphic signs) achieve their goal, if the result makes clear the cognitive state of the author of the hint (the one who performs the semiotic act with the involvement of a given graphic complex); 3) the phonetic cliché, recreated according to the graphic trace, is part of the communicative action, which is generated (and then recreated) by a set of parameters, among which the cliché itself is one of the characteristics of the cognitive state of the author of the communicative action; 4) the conditionally assigned value of a separate (arbitrarily distinguished) verbal cliché arises from the understanding of the cognitive state of the communicant, who used it in the current situation of semiotic impact; 5) verbal form and communicative action correlate as a part and the whole: the verbal form is not an autonomous object of sense-formation (understanding), cannot be identically interpreted.

Keywords: natural verbal process, experiment, verbal clichés, graphic mode, communicative model, sense formation, semiotic act, sign, cognitive state

References

Vdovichenko A. V. O nesamotozhdestvennosti yazykovogo znaka. Prichiny i sledstviya «lingvisticheskogo imyaslaviya» [Non-self-identity of a Linguistic Sign. Causes and Effects of the “Linguistic Onomatodoxy”] // *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 2016. Vyp. 6. P. 164–175. (In Russian).

Vdovichenko A. V., Tarasov E. F. Verbal'nye dannye v sostave kommunikativnogo dejstviya: yazyk, tekst, avtor, interpretator [Verbal data as a part of communicative action: language, text, author, interpreter] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. 2017. Vyp. 4 (34). P. 22–39. (In Russian).

Vdovichenko A. V. Verbal'nyj process v zerkale chteniya i pis'ma [Verbal process as reflected in the process of reading and writing] // *Vestnik PSTGU. Seriya III: «Filologiya»* [St. Tikhon's University Review. Series III: Philology]. 2017. Vyp. 3 (52). SP 62–75. (In Russian).

Vdovichenko A. V. (1) Akcional'noe smysloobrazovanie: chto porozhdaetsya i ponimaetsya estestvennom kommunikativnom processe [Actional sense-generating process: what is produced and understood in natural communicative process] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. 2018. Vyp. 3 (37). P. 112–125. (In Russian).

Vdovichenko A. V. (2) S vozvrashcheniem, avtor, no gde zhe tvoj tekst i yazyk? O verbal'nyh dannyh v statike i dinamike [Nice to see you again, author, but where is your text and language? To verbal data in statics and dynamics]. Part I // *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 2018. № 6. P. 156–167; Part II // *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 2018. № 7. P. 57–69. (In Russian).